

ЮН

С

1994

В НОМЕРЕ:

- * "ВОПЛЬ" — Александр РОДИН
об Иисусе Христе
- * "МАРИНИСТЫ" — повесть
Елены САЗАНОВИЧ
- * МЕТАФИЗИКА ПОЛА в статье
Алексея СКАЛДИНА
- "ЗАТЕМНЕННЫЙ ЛИК"
- * "ПРОГЛОТИ КОМПЬЮТЕР И
НЕ БОЛЕЙ" —
совместно Александр КОРМАШОВ
в рубрике "СЕНСАЦИИ XXI ВЕКА"
- * КРИМИНАЛЬНЫЙ очерк
"СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА АД-
ВОКАТА СТЕПАНОВА"
- * В Гостиной — поэт Юрий ВЛОДОВ
- * Карикатуры и
"ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ"
- * Для детей — НОВАЯ СКАЗКА.

ЮНОСТЬ

5⁽⁴⁶⁴⁾ 1994

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 ГОДА

Редакционная коллегия:

главный редактор
Виктор ЛИПАТОВ

Юрий БЕЛИКОВ

Елена ДУБЧЕНКО

заместитель главного редактора

Натан ЗЛОТНИКОВ

ответственный секретарь

Владимир КОЖЕМЯКИН

Олег КОКИН

Александр КОРМАШОВ

Николай НОВИКОВ

Эмилия ПРОСКУРНИНА

Юрий РЯШЕНЦЕВ

заместитель главного редактора

Юрий САДОВНИКОВ

Александр ХОРТ

Редакционный совет:

Геннадий ГОЛОВИН

Сергей ДЫШЕВ

Сергей ЕСИН

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

Фазиль ИСКАНДЕР

Александр ЛАВРИН

Валерия НАРБИКОВА

Булат ОКУДЖАВА

Игорь ОБРОСОВ

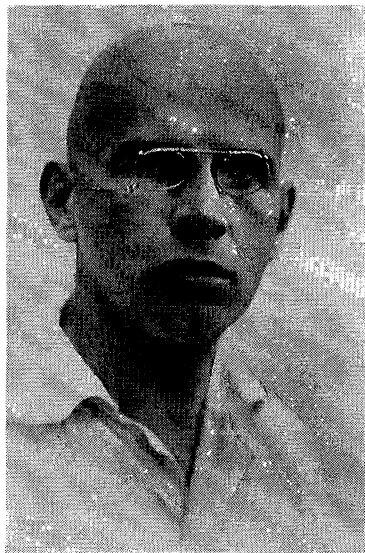
Владимир ОРЛОВ

Евгений СИДОРОВ

Владимир СОКОЛОВ

Лев ТИМОФЕЕВ

Коммерческий директор Феликс МАЗУР
Представитель журнала в Париже Валерий ПРИЙМЕНКО

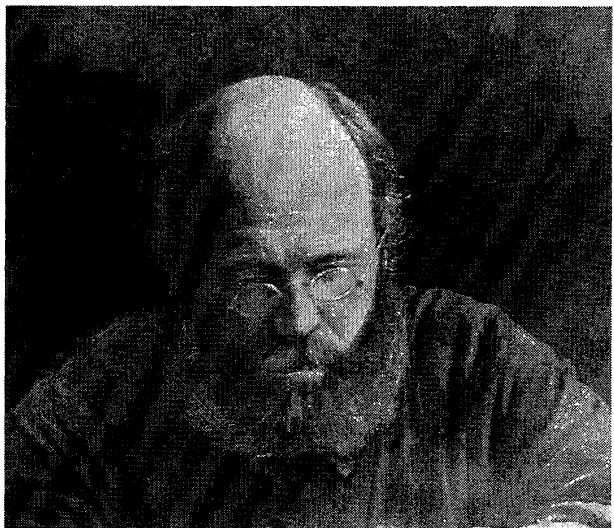

Алексей СКАЛДИН

Публикация 1991 года в «Юности» романа Алексея Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего», «последнего романа серебряного века», вызвала широкий читательский резонанс. Сегодня мы продолжаем знакомить наших читателей с творчеством А. Д. Скалдина, а также вкратце напомним основные вехи трагической биографии этого незаслуженно забытого русского прозаика, поэта и эссеиста.

Алексей Дмитриевич Скалдин родился 2 октября 1889 года в новгородской деревне Карыхново в крестьянской семье. В девять лет он начал писать. С 1908-го его имя связано с петербургским журналом «Весна», тогда же он посещает знаменитую «Башиню» Вячеслава Иванова и заседания Религиозно-философского общества. Как младшего, как ученика, его принимают в свой круг Блок, Мережковский, Белый. Первая и единственная стихотворная книжка Скалдина вышла в 1912 году в издательстве «Орь». Служит поэт в это время в различных страховых компаниях. Осенью 1917-го выходит в свет его необычный роман о Никодиме Старшем, но революция не способствовала широкому обсуждению книги. Однако мотивы бесовства и человека, игралища бесовских сил, поздней разовьются в отечественной литературе с опорой на уже другую действительность — в прозе М. Булгакова. С 1918-го по 1923-й Скалдин с семьей живет в Саратове, вероятно, спасаясь от голода, где заведует Радищевским музеем (ныне — знаменитая Саратовская картинная галерея). В Саратове — и первый арест, но писателя выручает А. В. Луначарский, знавший Скалдина еще по Союзу деятелей искусств.

По возвращении в Петроград Скалдин долго не может найти работу. Пишет романы, повести, стихи, нам известные лишь по названиям, но печатается только в детских журналах ради заработка. 20 января 1933 года его снова арестовывают «за участие в деятельности контрреволюционного идейно-организационного центра народнического движения». Повод — литературные встречи в доме Иванова-Разумника, также арестованного. Приговор «тройки»: пять лет лагерей с заменой на высылку в Казахстан. (Жена Скалдина, Елизавета Константиновна, умрет через полгода после его ареста.) В ссылке писатель много пишет (восемь романов!), но по ее отбытии уехать не успевает: начинается война. Передав в Литературный музей письма Блока, Вяч. Иванова, Георгия Иванова, Мандельштама, Северянина и других, собственный свой творческий архив Алексей Скалдин не уберег, и не по своей вине — кому было дело до рукописей ссыльнопоселенца, умершего в 1943 году в самый разгар войны? Из творческого его наследия сохранились крохи. Тем более, думается нам, будет интересна печатающаяся ниже философская полемика А. Д. Скалдина с В. В. Розановым.

1922 г. Саратов. Алексей Дмитриевич Скалдин.

Елизавета Константиновна Скалдина.

Марина Алексеевна Вальтер (1914—1947), дочь А. Д. Скалдина.

1932 г. А. Д. Скалдин в библиотеке Дома ИТР.

ЗАТЕМНЕННЫЙ ЛИК*

(По поводу книги В. В. Розанова
«Метафизика Христианства»)

Самодовлеющий пол. Формула «самодовлеющий пол» подобна иной: «искусство для искусства», столь часто повторяемой в наши дни. Итак, я начинаю с аналогий.

Когда-то, и очень недавно, нужно было говорить: «искусство для искусства», дабы отмести прочь все не принадлежащее области искусства. Эта формула, исполняя обязанности новой метлы, мела чисто, но теперь, когда она поистрепалась, когда ее уже перестают понимать, пришла пора выяснить, что роль ее только служебная. Изба выметена, остались в ней блюдущие чистоту, и можно, пожалуй, на время остаться без метлы. Пора сказать во всеуслышанье: «Искусство может оставаться самим собою, но мы желаем осознать его место в иерархии ценностей, выяснить его цель, не умаляя тем, но возвеличивая его достоинство». Повторять ли избитую истину о великих художниках, не полагававших достижение своей художественной цели в чередовании звучных строф и соналожении ярких красок. Сие им присуще по праву владения, как великим мастерам, но не в этом только их заслуга, и никогда прекраснейшее само по себе (формально) японское искусство не будет идеальным для истинного европейца — эллинского потомка и наследника в духе, ибо японская живопись не знает картины и, следовательно, не ищет синтеза, ибо японская литература органически чужда Дантовой «Божественной комедии». Великолепно-отчетлива китайская бронза, но сколь великолепно Фидиев «Зевс», помавающий бровями, сколь великолепно микеланджеловские «Моисей» и «Давид» и сколь характернее для истинно-человеческого духа химеры собора Парижской Богоматери именно тем, что они водружены на Божьем храме. Не восхвалять все это я собираюсь, но просто указать на явное большее великолепие сих.

У японцев есть утверждение пола ради пола. Так неужели Розанов — желтая опасность?

Дана власть вязать и решить. Нет! Сам Розанов, наверно, не желтая опасность, ибо он все же европеец и не вполне адекватен своим книгам (это можно доказывать с фактами в руках). Он всем сердцем возлюбил Библию, но в книгах его заключается потенциальная желтая опасность потому, что в Библии

он возлюбил только ветхозаветную ее часть, до Христа, а желтая опасность в нас самих, в том, что мы можем противопоставить Дальнему Востоку. Да, конечно же, только Лик Христов и уж никак не еврейское обрезание и половое благодущие.

Во Христе пол мучителен, но в Нем же и разрешение этого вопроса вопросов.

Здесь, в Петербурге, не принято удивляться чему-либо. И это «не принято» так глубоко вросло в здешние души, что спроси: может ли быть, чтобы А, В, С и еще несколько (имена рек), люди совершенно различные, собрались в кружок под девизом «искусство для искусства» (будь это поэты, живописцы или музыканты — все равно), — петербуржец ответит: «Отчего же? Я их понимаю». Но, право, он их не понимает, да и как же понять, когда здесь эклектизм должен быть положен во главу всех углов? Если уж нашли возможным А, В и С объединиться, то не значит ли это, что вопрос творчества для них только вопрос методологический?

И заседают в подобном кружке А, В и С, люди симпатичные, хорошие, заседают добросовестно и решают, почему стихотворение А, как сонет, плохо и почему сонет В хорош... Очень мило. Никто не может обвинить симпатичных дилетантов, ибо специалисты в кружки не объединяются, в том, что не умеют отличить ямба от хорей. Да, но все же их следует обвинять в том, что у них плохая, недалекая эстетика.

Пусть этот А, распинающийся в кружке за чистое искусство, выйдя после заседания куда-нибудь на Фонтанку, когда хлещет в лицо косой дождь, сердито бурлят волны и холодный ветер свищет из-за углов, пусть он почувствует здесь, перед лицом хаотической природы, что дана нам темная пока для нас власть вязать и решать, почувствовать необходимость этого дара, и (если он — А, дитя) что мировая игрушка еще недоделана, и рано отделять ее поверхность. Куда деваться с одними, хотя и добрыми, ямбами и хорейми в октябрьский ненастный вечер перед лицом природы, как бы возвращающейся к своей первоначальной бесформенности? Вот, поистине, покушение с негодными средствами, эти самодовлеющие ямбы и хорей.

Просветленная эстетика. Пожелаем, чтобы А просветил свою эстетику через возложение ее на Платоновы мощи, если уж эстетика Данта и Владимира Соловьева ему не по плечу. Просветлить — значит

* Статья публикуется с небольшими сокращениями.

исцелить. От такого исцеления было бы только хорошее, ибо очень острым должно быть мировосприятие исцеленного калеки и потому сколь полезным может оказаться исцеленный калека.

Кто желает быть архитектором в мире, да призовет себе на помощь Мнемозину и ее дочерей. Вместе с музами и во главе их грядет Аполлон — Архитектор по преимуществу.

Пожелаем того же и Розанову. Пусть он сначала вспомнит, поймет, что мир до Христа был хаотичен безусловно, что только с Христом явилась уверенность в победе над миром. После Христа хаотичность мира стала условной. До Христа души благочестивейших царей и пророков, души людей, коих мы чтим святыми, шли в Ад, ибо прежнего, Адамова Рая, уже не существовало, и нового, Христова, еще не было. Христос же по смерти своей извел души усопших из Ада.

В утверждении, что положено начало божественному подчинению Хаоса, и заключается смысл Христовых слов: «Мужайтесь. Я победил мир».

Содержимое мира — плоть. В субъективных формах духа мы стараемся высветлить это содержание. Но в субъективных формах высветления борьба Аполлона и Диониса, — в этом еще нет победы. Победа Христова в том, что рождена форма объективная и что Плоть становится столь же объективной, как и Дух Христов.

А если Христова Рая нет, на что мне самодовлеющие ямбы и хорей, на что мне самодовлеющий пол? В отрицании Христова Рая начало возвращено.

У Розанова дурной вкус. Пусть он просветлит свою эстетику, и тогда он увидит, что в хаосе самодовлеющих и только самодовлеющих вещей ее нет. Она начало устройства.

Розанов умен и силен, и поэтому ему можно смело посоветовать возложить свою эстетику не на Платоновы мощи, а на Евангелие и Апокалипсис.

Кто не эллин — тот не христианин. Зерно христианства в еврействе, но рост его в эллинизме. Зерно в ясном сознании того, что Бог един, рост — в стремлении к единству мира.

Знаем, что еврейство было избранным народом, но Библия рассказывает нам, как этот народ в его избранничестве постоянно приходилось удерживать на тугих вожжах. Причина, очевидно, кроется в тягостности непреложного сознания об истинном бытии Бога Единого и в некотором неверии, пожалуй, отсюда проистекающем. Соломон, мудрейший из людей, соблазнился и принес идольные жертвы. Я хочу указать на то, что между собой они постоянно твердили: «Мы — избранные, мы — цари, Мессия лишь для нас. Придет Мессия, и будем господствовать в мире». Когда пришел Мессия и сказал: «Несть ни эллин, ни варвар, ни иудей, пойдите и принесите себя в жертву миру, его брожению и росту», — они Мессию не поняли. Для них это был не тот Мессия, которого они ждали. Они думали, что Мессия нужен только для того, чтобы утвердить ясность их представлений об Едином Боге, укрепить их в вере отцов. Мессия же принес новое, и, не приняв этого нового, они за чечевичную похлебку национального избранничества и отобщенности продали свои права первородства. И сознание Бога ушло от них, началось распыление по лицу земли. Бога заслонила национальная обособленность.

Спешу оговориться: в еврействе было два зерна. Одно захотело прорасти, понимая как начало приложения сознания к делу слова Божьи: «Что Бог очистил, то ты не скверни». Другое прорасти не захотело и потому для мира умерло. Здесь я мог бы прибавить несколько соображений, касающихся дальнейшей роли еврейства и подтверждающих только что сказанные выводы, но не хочу незаслуженно прослыть антисемитом, что по нынешним временам так легко. Когда зерно прорастает, оно перестает быть самим собою и в росте становится чем-то одним с теплом, светом, влагой и землей. В эллине и его младшем брате римлянина, а также в отце их египтянина было заложено стремление к единству, это самое стремление роста, стремление к единости с миром. У египтян Изида ищет, собирает воедино разбросанные члены Озириса, а эллин ставит алтари «Неведомому Богу».

Сам Розанов передает в своей книге «Около церковных стен» следующее:

«Древние политеисты не только не исключали поклонения никакому, чуждому им самим богу, но были так простодушны и ласковы ко всем народам, что на тот случай, если в какой-нибудь стране, так сказать, географически не открытой, тамошнее население или по какой-нибудь случайности не поставили своему богу — то вот они, афиняне, ставят этому Deo idpoto алтарь, и таким образом божество не остается без жертвы, а народец ничего не терпит за безбожие».

Готовность к религиозному проникновению удивительная. И поэтому Павлу легче проповедовать перед Ареопагом, нежели перед Синедрионом.

Итак, мы перестанем быть христианами, как только расхотим быть эллинами.

Была ли Богородица Девуою? (Вопрос из брошюры Розанова «Русская церковь», имеющей близкое отношение к «Метафизике Христианства».)

Розанов ставит вопрос медицински и только медицински, без обиняков, не понимая, что слово «Дева» и понятие о девственности есть нечто гораздо большее. Девственность Марии находится в прямой зависимости от того, спас ли Христос мир. Если Розанов докажет мне, что мира Христос не спас, да и не спасал, тогда я соглашусь, что Марии не приличествует быть Девуою. Ибо, повторяю в иной форме, девственность ее стала непреложной лишь по воскресении Христовом; во Христе, своем Сыне, Она стала Девуою и Невестой, утвердила свое девство. Церковь поет: «Невеста Невестная», то есть иная, чем другие невесты.

Если бы Христос внял искушениям Дьявола в пустыне, после сорокадневного поста пал бы постыдно, то и девственность Марии пала бы. Дьявол — циник, и мы, вместе с ним, имели бы право на цинизм. Но Христос искушениям не внял, а потому, ради Него, Василий Васильевич, избавьте нас от новой «Гавриляды».

О дьявольском цинизме мне придется еще говорить в конце статьи.

Розанов, наконец, не верит в чудо. Если можно зачать от Духа Свята, то можно и родить, оставаясь физически девуою. И если для него затруднительно понять «становление девственной», то пусть бы уж думал попросту.

Об эстетическом восхищении Адамовым. У Розанова особое и постоянное тяготение к Адамову Раю —

золотому веку человечества. Эстетическое же восхищение Адама Евою, пожалуй, можно видеть только во времена до грехопадения, да и говорить об этом в форме гадательной, ибо не следует ли предположить, что эстетические чувства выработались в человечестве постепенно, по принципу «не отведав горького, не узнаешь и сладкого». Это о положительной творческой эстетике. Отрицательная же эстетика возникла сразу после грехопадения, когда Адам и Ева взаимно устыдились своей наготы, почувствовали свое эстетическое бессилие. «Сшили опоясания из листьев», да ведь во времени это почти то же, что издали закон о вреде порнографической литературы, поспешили себя явно ограничить.

Название древа познания добра и зла слишком прозаично для того, чтобы гадать о нем, что оно значит. Слишком прозаично по отношению к человеческой истории. Колебание маятника между сознанием свободы воли (красивым добром) и детерминизмом (некрасивым злом). Вот наги, нехорошо наги, а нас никто не спросил, хотим ли быть нагими. Так не хотим же. Красота спасет мир (как давно знали об этом, задолго до наших времен), та красота, которую создадим. Так сошьем же себе красивые опоясания. Жаль того, что никакие наикрасивейшие опоясания не помогут там, где нужно красивое тело. Никакие маски.

Древний мир был под маской. Но явился Христос и, тайнодействуя, снял маску с мира в своем лице. Вот отчего образ Христов неизъяснимо прекрасен, что признает и Розанов, вот почему и Мария в Нем прекрасна.

Христа и Марию можно обнажить непостыдно. Если же ни один художник не сделал для нас этого, то потому, что мы недостойны зреть. Все, и сам художник. За спиной Данта и Владимира Соловьева всегда стоит Федор Карамазов, хотя бы в лице Розанова, и просовывает сквозь их душу к картине свои цепкие пальцы. В одиночку все это проделывать бы, но здесь индивидуализация созерцания была бы новым преграждением против единства и братства, и дерзости никого из святых не хватит на единичное созерцание. Оттого молитва святых, как и молитва мытаря, говорит одно: «Боже, милостив буди мне, грешному».

Мы изначально были наги беспомощно, с самого сотворения нашего. Только человек — истинный микрокосм и, как таковой, разумеется, отраженно наг, несмотря на все маски. Но он в микрокосме заключен, как зародыш в яйце, и только о том и старается, чтобы слиться воедино с макрокосмом, прорасти. Высшее наслаждение видеть и чувствовать Душу Мира.

Библия не нашей изначально-отраженной наготы. Когда Адам и Ева сказали Богу «увидели, что наги, и скрылись», Бог спросил: «Кто вам сказал, что вы наги?», т. е. не отрицал правдивости их слов, а только добавил, как некую неизбежную мысль: «Не познали ли вы добро и зло?»

Мы уже не хотим Адамова Рая. Вспомните Ивана Карамазова.

А, главное, помните: когда Адам и Ева друг от друга укрываются листьями, то где же здесь «эстетическое восхищение», о котором говорит Розанов?

Но вот великая правда, которую Розанов хорошо знает (за что ему спасибо), хотя и плохо толкует: все наши построения, вся этика и вся эстетика начинается

с пола. Пол — краеугольный камень нашей истории, и в нем все должно разрешиться, как началось с него, с того, что Адам и Ева увидели наготу пола.

А впрочем, кто же этого не знает?

О веселом христианине («Метафизика Христианства») Розанов говорит, что «веселый христианин» так же невозможен, как и «круглый квадрат». Неправда!! Эмпирически веселых христиан много, и Владимир Соловьев, которого Розанов сам выставляет, как пример христианства, был довольно веселым человеком. Вот благодушные христианину не пристало: это удел татарина только и даже не иудея. У иудея самый тип лица скорбный. Больше чести для христианина в том, что он спокоен и строг. В этом залог его правохудожественной деятельности. Материала же (бунта) достаточно заложено в каждой душе.

Радоваться хотим во Христе: «О Тебе радуется всякая тварь». И лишь в Царствии Божиим. Мы подобны тому ученому, о котором рассказывает Иван Карамазов: «Хотим — идем, хотим — нет, но все же взорадуемся».

Социализм и христианство. Социализм и христианство действительно плохо совместимы. В этом я соглашусь с Розановым. Но почему несовместимы? Между ними та же разница, что в искусстве между стилем и манерой. Стиль явлен тогда, когда на единой плоскости растет многообразие. Но в манере многообразное подгоняется под единую плоскость.

Кстати: Розанов сам по себе стилист, но по отношению к христианству и полу у него манера.

Убили Бога. В этом тайна, но вместе с эллином, памятуя его дионистические обряды и празднества, думаем: «Так надо; в этом нет греха». Для еврея же это было бы непонятно и страшно.

Учение «божских» людей. Тайственная смерть и таинственное воскресение. Малый росток новой жизни.

Уже эллины знали: «Умереть — значит родиться». Розанов на эллинов ссылается часто, но этого он, кажется, никогда не поймет.

Христов ли мир? Мир изначально Божий, но не Христов. Иначе здесь начинается детерминизм. Мир наш, но нашим он стал через Христа. На самом обыденном языке можно сказать: «Без Христа мы не завладели бы миром».

Несоответствия. «Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и проч. ...В Сарове спасался в то же самое время Серафим».

Ламартина я уступаю Розанову, но Пушкина нет. Сперва Пушкиным владел бес: он написал «Гавриладию». Даром ему это не прошло, ибо потом он написал «Бедного рыцаря». Огромное значение «Бедного рыцаря» в нашей литературе до сего времени остается невыясненным.

Вероятно, мы еще не скоро увидим дельную философию нашей литературы.

Матерь Заступница. По поводу слов Буслаева о том, что Лик Спаса всегда пугал своей строгостью и суровостью.

Мир боится строгости и суровости даже в малом, как же ему не бояться Спаса?

Не столько Лик страшен, сколько слово Христа. Богоматерь же никогда не говорила нам. И мы еще не говорили. Поэтому Она, Мария, этим в нас больше, чем мы во Христе. Отсюда понимание: Матерь, заступница наша. Образ человеческий будет иметь красоту неописуемую, равную Ее красоте. Это мы с Ней родили Христа, или: с нами Она родила Его.

Младенец совершенный. Розанов мыслит так: раз младенец совершенен, то, следовательно, и яблонька, от коей младенец произошел, тоже достаточно совершенна (на большое совершенство Розанов не зарится). Но если Розанова спросить: «Так вообще-то человек совершенен?» — Розанов ответит: «Нет». Спросить: «А в частности? Например, царь Давид?» Опять Розанов ответит: «Нет».

Казуистика, казуистика иногда полезна. Пусть Розанов, благодаря ей, видит, что не стоит родиться совершенным для того, чтобы впасть в прегрешения. Христианство тут ни при чем, и незачем говорить, что оно испортило мир. Напротив, Христос сказал: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен есть».

И затем. Младенец совершенен, но ведь в нем-то и есть то самое «безличие пола», о котором так много говорит Розанов, оценивая его отрицательно.

Хочешь остаться младенцем — забудь о поле, никогда не пробуй жить половой жизнью.

Бесконечное число совершенных младенцев — идеал Розанова. Но только совершенство как бы вспыхивающих только и сейчас же погасающих огоньков. Навсегда. Мировое мерцание взамен мирового света.

О смысле чуда. Подозревать Христа в том, что Он творил чудеса ради уловления в свои сети сердец человеческих? Не знаю. Приходится быть грубыми и сказать: «Христос не Чичиков, и Мертвых душ ему не надобно. Какая цена тому, кто верит только из-за чуда?»

Что сотворил Христос, то сотворил ради нас (исцелял хромых и расслабленных — исцелил большой мир). Что в Кане Галилейской, тоже для нас. Претворил воду в вино. Какое хорошее первое чудо, полное глубокого смысла.

Где-то Розанов упрекает христианство за то, что, изгнав из храма животных (символ здоровья и плодородия), оно отвело храм неплодородным калекам. Какое непонимание! Ведь Христос исцелял убогих, давал им новую жизнь — значит, храм и нужен для жаждущих исцеления. Не здоровые имеют нужду во враче, но немощные.

Государство — форма. Форма безразличная по отношению к своему содержанию. По Розанову, значит, благодушная, не Антихристова. А если Антихристова, в силу своего безразличия? Вы только видимо покорились мне. Знаем мы это «видимо»!

Христос не женился. Христос — Жених, но Невеста еще себя не угодовала.

Упование Рода Человеческого. Род человеческий уповает не на скорбь свою, а на то, что можно стать целостным.

Уповает на Марию, но разве Мария не род человеческий? Да, и Нерушимая Стена. На Нерушимую Стену уповать можно.

...Сатана и женщина — враги между собою. Семья жены будет стирать главу Змея, пока не сотрет, и нет для Сатаны большей радости, как бесконечность рождений. Рождаются благодушные младенцы, но разве благодушный сотрет главу своею мощной пятой, да благодушному и не иметь никогда мощной пятой.

Розанов заставляет женщину рожать бесконечно: он вовсе не хочет признать в ней общечеловеческого, некоей половины единого. Розанов — враг женщины. «Упаси Бог ее от индивидуализации, — как бы говорит он, — трагедия индивидуализации может повести ее к катарсису». Розанов не хочет понять, что уже трудно рожать, и он еще готов, быть может, с трудом дать женщине некий незначительный кусочек сознания, но только очень маленький и по возможности без трагедии.

Кроме того, у Розанова постоянное влечение к гарему (в книгах). А владельцу гарема совершенно безразличны Фатьма и Ревекка сами по себе, помимо того животное-полового удовольствия, которое они могут доставить ему. Например, безразлично, что Фатьма или Ревекка хорошо играет на лютне, т. е. то, что это именно Фатьма, ее душа. Все равно, кто она, лишь бы играла на лютне, а я, господин, с полным безразличием могу слушать ее. Ведь там, в Магометовом раю, не Фатьма, а Гурии будут улаживать его. Безразличные Гурии, которые ни о чем не спрасят.

Итак, полное отделение одного пола от другого в том, что может быть общим. Европейец влечется именно к этому общему, и чем лучше, шире, общее, тем сильнее он любит.

В этом-то и есть начало философии полов, но уже не философствования, — начало построения мира. Философия пола могла возникнуть только в христианстве; в безразличном половом иудействе и магометанстве ей нет места.

У иудея и магометанина иначе: «Можешь не любить, но будь верной господину». Это мораль.

Мы — другие, и пока что: «Мира Твоего не приемлю».

Закон и пророки. «Возлюби Бога всем сердцем и разумением и ближнего своего, как самого себя. В этом Закон и пророки, а я пришел не нарушить их, но исполнить».

Исполнить — значит дать полноту смысла.

Возлюби ближнего своего, как самого себя, но не больше. В этом уравнении мудрость единения. Только в таком любовном уравнении и может быть начало единства.

Два есть начало единого — муж и жена, даже до того, что ради двух праведников в Содоме Бог пощадил бы отверженный город. Два праведника (и если муж и жена) — корень праведного вообще, но один в поле не воин. В Содоме оказался один праведник, и ему надлежало выйти вон из Содома. Жена Лота праведно не была и за то обращена в соляной столп; Лот не оглядывался — она оглянулась.

В этом непонятном обращении за любопытство в столп, как легкий незаметный ветерок дунул из того мира — мира смысла. Но в этом холодящем ветерке, в связи греха и неизбежного наказания, и есть начало разъединения, разложения. Будьте одно, но она оторинула эту единость, она плохо верила Богу, плохо ходила перед Его Лицом.

Человечество вообще — множественность. Человек робеет, теряется перед другими такими же, и лишь любимая жена может связать с собою, т. е. с другим человеком, и, следовательно, потенциально с миром. Возлюби жену, как самого себя, потеряй различие между ею и собою, не знай, где она в тебе начинается. В любви к ней — первый шаг к единству.

Розанов говорит: «Исполняя Закон и пророков», — но отделяет мужа от жены. Мужу — мужское, жене — женское, определяет он.

Жена Лота (у него) может оглядываться, и сердце Лота не должно дрогнуть от этой охлаждающей неслитости ее души с его душой — ибо не должно быть (по Розанову) в мире смысла.

Об яичках белом и золотом и о том, почему Иван Карамазов мировой гармонии не приемлет. Есть у народа присказка о том, как: «Жили-были дед да баба. Была у них курочка-ряба. Снесла она им яичко, но не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила; побежала мимо мышка, хвостиком задела, яичко покатилося и разбилось. Дед и баба плачут, а курочка кудахчет: «Не плачьте, дед и баба, снесу я вам яичко, только не золотое, а простое».

Золотой век для человечества кончился с изгнанием Адама из Рая, и человечество пошло сквозь огонь, воду и медные трубы к Новому Раю — к белому, простому яичку.

Этих огня и воды, этих медных архангельских труб не забыть. «Кто не примет крещения огнем и водою, тот не увидит в Царстве Небесное».

Иван Карамазов боится, что его в конце концов обманут, дадут опять золотое яичко, заставят забыть то, что он не хочет, не должен забывать. Быть может, боится своего благодущия, боится и того, что он сам, без понуждения и обмана, увидев красоту и великолепие Золотого Рая, забудет огонь и воду, которыми крестился, примет золотую мировую гармонию. Слишком честен Иван Карамазов.

Золотое яичко миру хочет подарить Великий Инквизитор. «Пусть люди будут благодущными и пусть рожают детей», — говорит он, Иван же Карамазов отвечает: «Нет, пусть страдают, через то узнают себе цену».

«Сколь дороже вы птиц небесных и лилий полевых у Отца Моего».

Солнечный свет белый, простой, синтетический. И одежда христианина белая.

А от благодущных младенцев мир задохнулся бы. Статистическая теснота в будущем. Но вот они, благодущные и совершенные, умирают от scarlatины и дифтерита, и потому дышать как будто легче. Жалко их, но на кладбищах обычно хороший, чистый воздух.

Дьявольский цинизм. Отвергающийся женщин не отвержен от Жены. Розанову и этого не понять, но только объяснять ему это я не буду. Розанов — циник. Вот Пушкин это хорошо понимал и так смело писал «Бедного рыцаря». Сатана у него говорит:

*Он-де Богу не молился,
Он не ведал и поста,
Он за матерью Христа
Непристойно волочился.**

Сила и резкость цинизма для нашего уха заключаются не в том, что говорится одно и то же, только другими, смелыми словами, но в том, что предлагается то же самое, только иною властью и со всеми последствиями, от этого нового проистекающими, так сказать, в чувствовании этой иной власти.

Когда Христос в пустыне был искушаем от Дьявола, Сатана предлагал Иисусу все то, что уже имел Иисус: хлеб, власть, чудо. Казалось бы, бессмысленно так поступать, так искушать, но на самом-то деле сильнейшему в мире было явлено и искушение самое сильнейшее; воочию видел он кажущееся безразличие Божьего и дьявольского. Тячайшее искушение. И отошел Сатана до времени.

Сколько раз приходил он потом? И сейчас стоит над миром, смеется дробным смешком, говорит те же дерзкие слова, что и христианство, накладывая на них некий тонкий отпечаток своей искаженной природы. Немногие понимают это. Вот Пушкин понимал, и у него в ответе Сатане:

*Пречистая сердечно
Заступилась за него (т. е. за рыцаря)
И впустила в Царство Вечно
Паладдина Своего.*

Улыбнулась тихонько Мудрая.

Владимир Соловьев, в предисловии к третьему изданию собрания своих стихотворений, говорит о некоей черте, весьма тонкой, едва уловимой черте, которая должна отделить одну власть от другой. Пушкин эту черту знал. Если не разуменьем знал, то чувствовал благословенным талантом своим. Богоматерь у него так просто, естественно названа Пречистою, заступление ее так видимо сердечно. Двумя словами очищено, разрешается все стихотворение и совершенно ясно намечено очищение в трагедии человечества. Это — символ, большой и благоухающий.

Последние будут первыми. В кротости христианства заключено величайшее дерзание — утверждение своего становления праведным, в Боге. Христианство самое сильное и смелое в мире. Никто с такой твердостью не сказал себе: «Да», — как оно.

Этой смелости не нужно бояться. Не нужно бояться и эволюционирующего христианства. Христос лишь бросил закваску в муку мира. Закваска соединила мир, тесто поднимается, но в Царстве Небесное войдет лишь тот, кто не побоялся умножить свои таланты; из гнилой же муки теста не выйдут.

Древние христиане разбивали эллинских богов, бежали от женщин в пустыню. Мы этого не делаем, но не потому, что мы стали релятивистами в религии. Нет! Наша философия выросла (любю к Мудрости Божьей), стала глубже и шире. Христианство не может падать или стоять на одной точке. На некую высокую гору поднимаемся мы.

Последние будут первыми.

В чем же наша сила?

Малорусское сказание. «У Бога были два любимых ангела. Одного звали Миха, другого — Сатанаил. Сатанаил возмутился против Бога и отпал от Него. Миха остался верен Богу. По сотворении мира, Миха вступил с Сатанаилом в единоборство и одолел его. Сатанаил побежал, чтобы спрятаться от Михи, он полез на дерево, но в это время выскочил волк и откусил Сатанаилу пятки. Так потерпел Сатанаил; Бог же

* Здесь и далее — цитирование авторское. (Прим. ред.)

сказал: «Вот Сатанаил побежден Михой и поэтому Миху нужно вознаградить за победу. Так как у Сатанаила откушена часть тела, то отнимается от имени его окончание и дается Михе». С тех пор Миха стал Михаилом, а Сатанаил — Сатаною.»

Сказание, очевидно, не чисто малорусского происхождения, на что указывает игра окончаниями имен (ил — эль — Божий). Но смысл ясен: будем Божьими, если победим Мир и Князя его.

Я уже говорил об Аполлоне — Архитекторе, но мне приходится возвратиться к нему.

Дьявол с Богом борются, а поле битвы — сердца человеческие, говорит Достоевский.

В сердце человека борются Аполлон и Дионис, но если победит Аполлон, то это будет победою Дьявола. Если победит Дионис — тоже. Ибо после победы и тот, и другой станут тенью: пустым (Аполлон), бесформенным (Дионис).

Противоположение, из которого, казалось бы, нет выхода. Но приведенное сказание помогает нам разобратся в этом противоположении.

Имя «Миха» — дионисическое, бесформенное. Форма (Божий) дается ему лишь за победу над братом своим Сатанаилом, ставшим, по существу, ложью и не имеющим права на такое имя. Здесь характерно и то, что Миха вступает в борьбу, очевидно, по собственному почину, т. е. как бы с самим собой, потому что естество борющихся одно и то же. И еще характерно, что единоборство происходит лишь по сотворении мира, чтобы было на что стать пятою. В результате борьбы Сатанаил лишен пят и имени первоначального, того, в котором только истинная сила, той пяты, которой можно опереться в мир.

Дионис же становится Аполлоном, но Дионис в Аполлоне не умирает.

Пята многозначительна в человеческих сказаниях. Ахиллес уязвим только в пяте. Семя Жены пятою сотрет главу Змея. Под пятою Жены, облеченной в Солнце, — Луна, Девственность, нерастленный мир.

Так некогда выяснился вопрос, быть ли Деве Мира нерастленной.

Да. Быть. Двое посягали на Деву Мира. Но один из них лишен пят, лишен опоры в мире. Другой же не растлитель, но Жених. И лишь ему Дух и Невеста говорят: «Прийди».

Сатана уже не архитектор и говорит постоянно: «Не нужно строить». Он не аполлиничен, но и не окончательно дионисичен. Искаженное отражение того и другого. Миха искони дионисичен и аполлиничен вместе, но то и другое у него в росте. Искони борьба между теми, что говорят: «Мир есть законченная форма», — и теми, которые миру определяют рост.

Сатана не стал дионисичным, ибо за ним в прошлом, как хвост за кометой, тянется тень его былого аполлинизма.

Мир в застое, мир в недвижимом дионисизме и недвижимом аполлинизме будет сатанинским. И Сатана мечтает: перестать быть тенью, стать семипудовой купчихой, ходить в баню и даже благодушно ставить Богу пудовые свечи.

В аполлиническом становлении наша сила. Аполлон вправе содрать шкуру с Марсия, ибо Марсий своей игрой будит темный хаос звуков.

Безматерность. Пока же мы еще не рожденные, безматерные, и Жена, облеченная в Солнце, еще не

знает, что имеет в чреве. Были созданы — будем рождены, или еще лучше — родимся, самообразуемся, самооформи́мся, как Миха.

Апокалиптика. Апокалипсис — человеческое пламя на неопалимой купине Евангелия.

Мы покамест в Апокалипсисе.

Апостолу Петру — Камню Церкви — было предсказано, что когда он состарится (к концу мира, быть может), то препояшет его другой и поведет туда, куда Петр идти не захочет. Так и случилось. Иные препоясали Церковь и ведут Ее, куда хотят...

Петербург, 1912 г.

Публикация
Ю. Ключникова

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента появляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах "Союзпечати".

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ-МЕСТО" производится работниками предприятий связи и "Союзпечати".

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации России
Регистрационный номер 112

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность»

Художественный редактор Юрий ПЕТЕЛИН
Технический редактор Людмила ГУДКОВА
Фотограф номера Леонид ШИМАНОВИЧ

При перепечатке ваших материалов ссылка на журнал «Юность» обязательна.

К сведению уважаемых авторов:

Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает,
а также не вступает в переписку.

Принимаются к рассмотрению первые машинописные экземпляры рукописей.

Авторы ответственны за точность цифр и дат и достоверность фактов.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах
обращаться в издательство «Пресса» по адресу:
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.
Формат 84×108½.

Тираж 52 200 экз. Заказ № 1304.

Адрес редакции: 101524, Москва, К-6, ГСП, ул. 1-я Тверская-Ямская, 2/1.

Телефон для справок: (095) 251-31-22.

Отдел рекламы: 251-05-06

Телефон корпункта по Уралу и Сибири:
(342) 25-98-80 (г. Пермь).

© «ЮНОСТЬ», 1994 г.

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Елена САЗАНОВИЧ	
Маринисты. Повесть	12
Александр РОДИН	
Вошь. Рассказы	54

ДОМ ПОЭТОВ

Геннадий МИГАЧЕВ	9
Натали ЗЛОТНИКОВ	18
Георгий МАСЛОВ	47

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

В Гостиную — поэт Юрий ВЛОДОВ	76
--	----

НАСЛЕДИЕ

Алексей СКАДНИН	
Затемненный лик	2

ПУБЛИЦИСТИКА

Русская провинция	
Стихотворение	
Николая БУРАВНИКОВА	
Александр ЕЛТЫШЕВ	
Исправитель ямок	50
Владимир ГОКАРЕВ	
Застава богатырская	82
Александр КОРМАШОВ	
Проглотит компьютер и не болей	78
Александр ВАСИЛЬЕВ	
Сицилианская защита адвоката Степанова	86

ЖУРНАЛЬЧИК

Андрей БЕЛЯНИН	
Орден Фарфоровых рыцарей. Сказка	91

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

В «Портфеле» художники-сатирики	90
--	----